

Как в России мешают работать адвокатам

НАКАЗАНИЕ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

[Инциденты. Провокации](#)

НЕДОПУСКИ

[Не пускают в отделы полиции](#)

[Не допускают в дело](#)

[Не пускают в СИЗО](#)

УСЛОВИЯ РАБОТЫ

[Запрет техники](#)

[Очереди и ожидание подзащитного](#)

[Иные условия работы в СИЗО](#)

Межрегиональная правозащитная Ассоциация «Агора» и «РосУзник» опросили 31 адвоката из Москвы, Санкт-Петербурга, Воронежской, Владимирской, Нижегородской, Самарской, Свердловской, Тюменской областей, Татарстана и Краснодарского края с целью выяснить, как государственные органы мешают работать российским адвокатам по резонансным уголовным делам федерального и регионального уровня. В исследовании, в частности, приняли участие адвокаты Алексея Навального, Pussy Riot, фигурантов «болотного дела», известных бизнесменов, антифашистов и националистов. Таким образом, фактически исследовалась деятельность адвокатов, которые последние три года работали с доверителями в отделах полиции, следственных изоляторах, колониях по так называемым политическим или околополитическим делам.

Методами сбора информации стали экспертные опросы, углубленные интервью с адвокатами и анализ документов из 10 регионов России. Факты, зафиксированные в исследовании, охватили период с начала 2011 до конца августа 2013 года.

В результате было зарегистрировано **96** таких случаев препятствования адвокатской деятельности. Важно подчеркнуть, что некоторые факты носят характер многократных системных и длящихся.

Факты в отношении адвокатов	Количество инцидентов
Криминальные действия ¹	7
Препятствия со стороны полиции и ФСИН ²	51

¹ Угрозы, в том числе физической расправы, взломы электронной почты и аккаунтов в социальных сетях, прослушивание телефонных переговоров и иные криминальные действия.

² Недопуски в отделы полиции, ИВС, СИЗО и колонии, незаконные обыски, досмотры, запрет техники, очереди в СИЗО.

Были выявлены основные методы государственных органов и неустановленных лиц, а также условия, направленные на ограничение профессиональной юридической работы защитников.

Российские адвокаты сталкиваются с:

- ◆ попытками возбуждения уголовных дел (**2 факта**);
- ◆ попытками лишения статуса (**1**);
- ◆ попытками отстранения от защиты (**1**);
- ◆ взломами электронной почты и аккаунтов в социальных сетях; прослушиванием телефонных переговоров (**5**);
- ◆ незаконными обысками, досмотрами (**2**);
- ◆ угрозами, в том числе физической расправы (**2**).

При этом многих из них систематически под надуманными предлогами не пускают к подзащитным в изоляторы временного содержания и отделы полиции (**17 фактов**), следственные изоляторы и колонии (**11 фактов**). А условия труда адвокатов, в первую очередь, работающих с клиентами в московских СИЗО, сложно назвать человеческими. **9** адвокатов сообщили, что им запрещали пользоваться какой-либо техникой, а **12** попросили обратить внимание на многочасовые очереди в следственных изоляторах.

Рейтинг худших, по мнению опрошенных адвокатов, СИЗО, где самые длинные очереди:

1. «Бутырка» (СИЗО №2),
2. «Печатники» (СИЗО №6)
3. «Медведково» (СИЗО №4).

Во время бесед с адвокатами удалось также зафиксировать, что следователи:

- ◆ незаконно пытаются отобрать у них подписки о неразглашении данных предварительного расследования (**3**);
- ◆ не допускают в дело (**7**);
- ◆ отказывают в ознакомлении с документами, не уведомляют о движении по делу и т.д. (**13**);
- ◆ систематически игнорируют ходатайства, которые могут поставить под сомнение официальную версию и позицию следствия (**11**).

Кроме того, распространенной проблемой является работа оперативников с клиентами без уведомления и присутствия адвокатов, в результате чего подзащитные вывозятся за пределы СИЗО и изоляторов временного содержания (ИВС), нередко подвергаются угрозам и насилию и под давлением отказываются от услуг защитников.

³ Попытки возбуждения уголовных дел, лишения статуса, отстранения от защиты, отобрания подписки о неразглашении данных предварительного следствия, недопуск в дело, отказ предоставить/ознакомиться с документами, игнорирование ходатайств.

Инциденты. Провокации

В августе 2013 года Следственный комитет России и Управление Министерства юстиции РФ по Тульской области потребовали от президента областной адвокатской палаты рассмотреть вопрос о прекращении статуса адвоката фигуранта «болотного дела» Артема Савелова - Фарита Муртазина. Следователь Рустам Габдулин заявил, что Муртазин якобы «неоднократно целенаправленно срывает проведение следственных действий с участием его подзащитного Савелова», пытался «необоснованно затянуть предварительное расследование» и «систематически не являлся на ознакомление с материалами дела». В ответ адвокат Муртазин детально опроверг каждый из этих доводов. Также следователь посчитал, что адвокат не имел права «требовать от органов предварительного следствия воспроизводства событий, имевших место 06.05.2012 на территории, прилегающей к Болотной площади» и просить назначить проведение фоноскопической и лингвистической судебных экспертиз. Решение адвокатской палаты должно стать известно на днях.

Между тем, в целом практика по подобным инцидентам в России сложилась, и можно подчеркнуть принципиальную позицию адвокатских палат в России, которые последовательно отказывают правоохранительным органам в просьбах лишить статуса защитников.

В марте 2013 года Следственный комитет предпринял попытку возбудить уголовное дело в отношении адвокатов Алексея Навального - Вадима Кобзева и Ольги Михайловой. Речь шла о якобы разглашении данных предварительного расследования по делу «Ив Роше». Адвокат Вадим Кобзев рассказал правозащитникам, что после публикации Ирека Муртазина в «Новой газете» об этом деле в Следственном комитете «возник переполох, и Бастрыкин велел выяснить, как документы попали к журналистам».

- И в отношении нас начали проводить проверку по факту разглашения тайны предварительного следствия, - рассказывает адвокат Кобзев. – Мы имели право знакомиться с этими документами. Никаких подписок мы не давали. В результате переполоха следователи написали, что у нас пытались отобрать подписку о неразглашении, а мы якобы отказались, то есть мы были предупреждены. Мы не исключали, что может быть уголовное дело.

В итоге за два месяца дважды выносилось решение об отказе в возбуждении уголовного дела. «Сначала один раз отказали, отменили и заново отказали», - вспоминает адвокат Ольга Михайлова. Во время доследственной проверки защитников Навального 7 марта вызывали в Следственный комитет для дачи объяснений. Они обосновали незаконность этого требования и не пошли.

В апреле 2013 года после подачи ордера на представление интересов клиента следователю Управления ФСБ по Краснодарскому краю адвокату Марине Дуб-

ровиной удалось узнать, что ее телефон стали прослушивать, а электронная почта была взломана.

В мае 2012 года были взломаны учетные записи в электронной почте, Skype и Facebook сразу у троих адвокатов - Ольги Гнездиловой, Дмитрия Динзе и Светланы Сидоркиной. При этом адвоката Динзе, который тогда работал по делу Антифа-RASH в Нижнем Новгороде и сотрудников ФСБ в Твери, источники в ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленинградской области также предупредили, что его паспорт находится в розыске и является недействительным. На сегодняшний день, несмотря на поданное заявление о преступлении, организаторы взломов не установлены и к ответственности не привлечены.

Кроме того, адвокаты Дмитрий Динзе и Сергей Голубок в Санкт-Петербурге в 2012-2013 годах столкнулись с угрозами физической расправы за оказание юридической помощи ЛГБТ-активистам.

В Самаре сотрудник РОВД Октябрьского района попытался отобрать мобильный телефон у адвоката Вячеслава Толстова якобы для проверки IMEI аппарата: «Я сказал, что если оперуполномоченный дотронется до меня или моего телефона, буду расценивать как нападение и приму меры самозащиты, и предупредил, что служил в спецназе. Подействовало».

В феврале 2013 года адвокат Роман Качанов из Екатеринбурга во время визита в колонию № 46 был фактически задержан, подвергнут незаконному досмотру, во время которого у него были изъяты и до сих пор не возвращены личные вещи.

Адвоката Дениса Зацепина и его коллег правоохранители пытались допросить по уголовному делу о мошенничестве с целью «выбить из процесса через придание статуса свидетелей и отвода как защитников». После соответствующих жалоб вызовы адвокатов на допрос были признаны незаконными.

Не пускают в отделы полиции

По данным РосУзника, с момента задержания до начала судебного заседания по избранию меры пресечения следствие активно препятствовало встрече и общению защитников с фигурантом «болотного дела» Леонидом Ковязиным. Так, в Кирове адвоката Алексея Лапина не допустили к задержанному, а адвокату Руслану Чанидзе удалось познакомиться с подзащитным лишь в Басманном районном суде Москвы 6 сентября 2012 года.

В ноябре 2012 года адвокат Ольга Гнездилова в отделе полиции №6 УМВД России по Воронежу получила отказ в допуске к подзащитной, задержанной за неповиновение сотрудникам полиции. Ключевой аргумент полицейских:

«Сейчас опросим, потом пройдет». Защитника допустили к клиенту спустя час. Ответ на соответствующую жалобу адвокат Гнездилова так и не получила.

19 января 2013 года адвокат Татьяна Соломина около полутора часов пыталась попасть к задержанным в ОВД «Хамовники». В тот вечер были, в частности, доставлены в полицию антифашисты Алексей Гаскаров (ныне фигурант «болотного дела») и Грачъя Погосов за акцию в защиту общежития «Московского шелка». Со стороны одного из сотрудников ОВД, который отказался представиться, был в штатском и не предъявил удостоверения, адвокат отметила «хамство на грани угроз»: «Орал - вы тут никто, мне плевать на адвокатов, ну, и что вы мне сделаете? Даже если я вас сейчас взащей вытолкаю - мне ничего не будет!», - вспоминает Татьяна Соломина. Свидетелем этого инцидента стал еще один адвокат Владимир Кушнир. Татьяна Соломина оставила жалобу на пульте ГУВД Москвы: «Реакция нулевая, конечно, дальше письменно ничего не подавала, сосредоточилась на самом деле. К тому же. недопуск и крик - это такие мелочи, что уже внимания не обращаешь и жалко тратить бумагу на их обжалование».

Адвоката Анну Полозову 20 февраля 2013 года следователи категорически не допускали к задержанному спустя 9 месяцев после событий на «Болотной площади» Александру Марголину. В итоге, после того, как его доставили в Следственный комитет, он был допрошен в качестве свидетеля в присутствии назначенного адвоката. После общения с ним Марголин был готов дать признательные показания. Адвокату Полозовой удалось встретиться с задержанным только после очной ставки его и потерпевшего, сотрудника ОМОН. Последующий опрос проходил уже в присутствии адвоката Полозовой.

14 марта 2013 года адвокат Светлана Ратникова смогла попасть к задержанным в аэропорту «Пулково» в Санкт-Петербурге гражданским активистам Дмитрию Алешковскому, Юрию Гаврикову и Сергею Губанову только спустя 4 часа, а протоколы полицейские оформляли почти 6 часов.

18 марта 2013 года адвоката Дмитрия Дубровина не пускали в ОВД «Китай-город» Москвы к задержанной журналистке Марии Решетниковой. Тогда на Красной площади прошла акция протеста против закона об уголовной ответственности за нарушение правил регистрации, который был принят Госдумой в первом чтении 15 февраля. По словам полицейских, в ОВД задержанных не было, там находились только «приглашенные граждане». Адвокат смог попасть к журналистке после многочисленных жалоб через несколько часов. Выяснилось, что в отношении Решетниковой не был составлен протокол об административном правонарушении. Начальник ОВД, полковник Олег Васильев попытался объяснить недопуск адвоката тем, что граждане считаются задержанными лишь после составления протокола. На возражение адвоката Дубровина, что моментом задержания является физическое ограничение свободы и это подтверждают судебные решения, Васильев

улыбнулся.

27 апреля 2013 года адвокат Руслан Чанидзе полтора часа пытался прорваться все в тот же ОВД «Китай-город» к задержанным во время протестной прогулки на Красной площади. Кроме предоставленных удостоверения и ордеров, сотрудники ОВД требовали предъявить договор на защиту, который не подлежит разглашению и является адвокатской тайной. Только после вмешательства члена Общественной наблюдательной комиссии Москвы (ОНК) Анны Каретниковой адвоката пропустили к задержанной Надежде Митюшкиной и другим гражданским активистам.

24 мая 2013 года в Барвихинский отдел полиции к задержанному активисту Федерации автовладельцев России (ФАР) Вадиму Коровину не пускали адвоката Сергея Бадамшина. Основанием для недопуска защитника стало: «Так распорядилось начальство». Попасть к клиенту адвокат смог лишь в мировом суде.

В мае адвоката Ольгу Гнездилову полицейские отказались пускать к задержанному в ОП № 2 УМВД России по Воронежу. Первоначальным предложением было, что клиента там якобы нет. Потом адвокату заявили, что мужчина не писал заявление о допуске Гнездиловой в качестве защитника. Между тем, он и не мог этого сделать, поскольку соглашение было заключено с его женой. В результате адвокат Гнездилова попала к клиенту спустя два часа. На ее жалобу ответ так и не был получен.

Адвокат Вадим Кобзев, которого в декабре 2011 года не пускали к задержанному Алексею Навальному в ОВД «Текстильщики», считает, что подобные проблемы доступа к клиенту не чей-то злой умысел.

- Районные ОВД, которые никак не связаны со следствием, ППС, участковые - все они совершенно не знают, что такое адвокат, ордер, какие документы у него должны быть, - делится своими наблюдениями адвокат Кобзев. - Они не сталкиваются с этим. А вдруг какие-то еще бумаги нужны? Как-то с одним человеком давали объяснение участковому. Он брал объяснение с моим участием, а ордер у меня брать отказался: мы не знаем, что это за бумажка. И я сделал вывод, что эти люди на самом деле не знают, на каких основаниях адвокат может попасть к задержанному. Когда задерживали Алексея Навального, вышел начальник ОВД «Текстильщики». Показываю ему ордер, а он спрашивает: «А где у вас договор?». Соглашение, ордер, доверенность, удостоверение. Полицейские не знают, а дальше «вдруг я его пропущу, а мне потом руководство..., лучше не пустить».

У адвоката Анастасии Екимовской из Санкт-Петербурга недопуск к клиенту случается редко. В последний раз дежурный в отделе полиции не пропускал к административно задержанному в ночное время, и ситуация была разрешена

после настойчивых требований позвонить начальнику отдела.

Адвокат Денис Зацепин говорит, что защитников в конечном счете в ОВД все-таки пускают: «При этом дежурные не хотят на себя лично брать ответственность. Если адвокат приходит в вечернее или ночное время, отвечают, что все решает начальство, «утром приедет начальство, пообщаетесь, все сделаете». Зацепин вспоминает прецедент массового недопуска адвокатов, когда всех задержанных вечером доставили не в «открытые» отделы полиции, а в оперативно-розыскное бюро (ОРБ). Это режимная оперативная организация, при попытке пройти в которую защитникам заявили: «У нас режимная организация, никаких адвокатов». Такие истории заканчиваются, как правило, тем, что на следующее утро задержанные появляются в следственных органах с признательными показаниями.

Адвокат Вячеслав Толстов из Самары столкнулся с попыткой недопуска в Ленинское РОВД, куда он прибыл к задержанному сразу, как узнал о его доставлении в полицию. Дежурный не пускал в здание под предлогом, что «сегодня выходной». Адвокату пришлось позвонить начальнику РОВД и зайти к нему на прием: «После того, как начальник РОВД сказал, что все законно, и мне нечего делать в РОВД, был вынужден обратиться с жалобой в Отдел собственной безопасности. Помогло».

Адвокат Ольга Гнездилова называет основные отговорки, которыми пользуются полицейские: «Чаще всего называются причины «его здесь нет», «следователь занят, а принять решение может только он» (сам следователь не берет трубку, разговаривает только с дежурным на КПП)».

- Самый стандартный недопуск - это задержание подзащитного в пятницу вечером или в предпраздничный день, - говорит адвокат Алексей Ладин из Тюмени. - Прокуратура уже не работает, СК закрыт. «Работа с задержанным», то есть пытки, идут в оперативных подразделениях. Следователь (если удаётся узнать его сотовый телефон) на звонки не отвечает. А в понедельник утром уже признательные показания и явка с повинной по убийству Кеннеди.

Еще одна проблема, с которой приходится сталкиваться адвокатам при работе с задержанными в ОВД, - отказ в предоставлении им документов по задержанию, в частности, протоколов. Так, 31 мая 2013 года адвокату Анне Полозовой и 14 августа адвокату Татьяне Соломиной полицейские отказались предъявлять необходимые документы. Адвокату Полозовой сотрудники полиции заявили, что протоколы на самом деле есть, просто задержанные у штаба «Единой России» протестующие многодетные матери отказались их подписывать. В свою очередь, женщины сообщили адвокату, что им ничего не предъявляли. Адвокату Соломиной же не удалось получить от полиции документы по нашумевшему задержанию активистов Олега Козловского, Василия Дровецкого, Кирилла Андреева и Романа Переверзева: «Никаких документов, ни одного

протокола, ни описи, ничего вообще! Я уже написала жалобу к протоколу обыска, а его не дали - ничего вообще, ни одной бумажки полиция не выдала. Пришли, сломали дверь, обокрали квартиру, задержали и избили людей, вынесли агитационные материалы, в которых вообще ничего экстремистского не было, прислонили спиленную дверь к проему и опечатали квартиру», - сообщала тогда адвокат Соломина. С протоколом осмотра и изъятия отказался ознакомить Соломину следователь ОВД «Басманное», который также не принял у нее никаких заявлений и ходатайств. В результате адвокат Соломина подала заявление в Следственный комитет о возбуждении уголовного дела за превышение должностных полномочий, нарушение неприкосновенности жилища и жалобу в Генеральную прокуратуру, где подробно изложила в том числе нарушения в отношении себя как защитника. Результата пока нет.

В мае 2013 года адвокат Ольга Гнездилова представляла интересы участника «Движения в защиту Хопра» Александра Долгопятова. В Новохоперском РОВД Воронежской области она в течение 7 часов не могла ознакомиться с материалами дела об административном правонарушении, протоколом задержания и другими документами. Основной предлог – «начальник занят, его нет на месте, а разрешить может только он». Адвокат подготовила жалобу, которая не принесла результата. Документы так и не были предоставлены, а ознакомление произошло только в суде за несколько минут до начала заседания. В итоге задержанный получил 3 суток административного ареста, а на жалобу позже пришел ответ, что нарушений законодательства в действиях полицейских не выявлено.

Не допускают в дело

Адвокат Вадим Кобзев, который раньше сам работал следователем, рассказал, что иногда следователь просит у адвоката согласие клиента на то, чтобы защитник представлял его интересы: «Принесите мне разрешение от него, говорит вам следователь. Это совершенно незаконные вещи. Такие уловки преодолеваются, как правило, обращением к руководству».

Так, с подобной ситуацией столкнулся адвокат Сергей Бадамшин. По одному из дел он представлял интересы человека, который находится в розыске и под заочным арестом. Трое защитников предоставили следователю Главного следственного управления ГУ МВД РФ по Москве копии удостоверений и ордеров, чтобы вступить в дело. Следователь же отказал, заявив, что у него нет уверенности в том, что клиент дал добро адвокатам на представление своих интересов.

- Раз нет письменного согласия от клиента, находящегося в розыске, значит нет оснований доверять, что наш подзащитный согласен, чтобы именно мы осуществляли его защиту, - цитирует позицию следователя адвокат Бадамшин. - Мы обжаловали этот отказ как незаконный и необоснованный в суд. Он пока не

принял решения.

С аналогичной проблемой столкнулся адвокат Алексей Ладин из Тюмени. Его подзащитный, подавший заявку в ООН о признании политическим беженцем, находится на Украине в СИЗО в рамках предэкстрадиционного ареста. Дело ведет ФСБ. Адвокат Ладин написал «вступительное» ходатайство следователю и руководителю следственного отдела, однако ему отказали в допуске к защите в связи с тем, что у него нет письменного согласия от клиента.

- Прикрывались тем, что опасаются нарушения прав моего подзащитного, так как у них есть основания полагать, что я буду действовать вопреки его интересам, - рассказывает адвокат Ладин. - Я обжаловал этот отказ в суд. Только после этого начальник СО, который сам также отказывал мне во вступлении в дело, отменил незаконное постановление следователя. И то, в суде был объявлен перерыв на несколько дней: ФСБ «грозило» представить документ от клиента, что у него нет никаких правоотношений с адвокатом Ладиным. К нему в СИЗО на Украине приходили опера. Он отказался выполнять их требование, а потом, напротив, написал местному защитнику, что я представляю его интересы. Копию этого документа я представил в суд.

С недопуском в дело во время, когда готовился данный доклад, столкнулся и адвокат Денис Зацепин: «Неясно, чем закончится, пока следственный орган просто «тянет время» и не реагирует на полученный ордер и заявление о вступлении в дело в качестве защитника».

17 ноября 2012 года следователь ОВД «Гольяново» не приняла ордер адвоката Фарита Муртазина для защиты его клиента на предварительном следствии. Она пояснила, что у обвиняемого уже есть «бесплатный адвокат» и другой ему не нужен. На следующий день следователь провела без адвоката Муртазина очную ставку. Также 18 ноября Муртазина не пустили в изолятор временного содержания УВД по ВАО ГУ МВД, сославшись на то, что у защитника нет разрешения на посещение от следователя. В итоге 19 ноября Преображенский суд Москвы при «бесплатном адвокате» избрал клиенту Муртазина в его отсутствие, несмотря на ордер в уголовном деле, меру пресечения в виде заключения под стражу.

Не пускают в СИЗО

2 августа 2013 года сотрудники московского следственного изолятора «Печатники» (СИЗО №6) не пропустили адвоката Светлану Сидоркину к своей тяжело больной подзащитной. Администрация заявила, что, кроме положенных по закону ордера и удостоверения (ч.4 ст.49 УПК РФ), адвокат Сидоркина обязана предоставить уведомление из Кузьминского районного суда Москвы о том, что именно она представляет интересы женщины. Этот документ адвокат не только не обязана, но и не могла предъявить, так как она не участвовала в

этом деле ни в суде первой инстанции, ни на стадии следствия. С защитником заключили соглашение только на подготовку и рассмотрение апелляционной жалобы в суде второй инстанции.

Не попав к клиенту, адвокат Сидоркина написала через спецчасть жалобу начальнику СИЗО «Печатники», направила ему телеграмму с претензиями, а также подготовила жалобу в Генпрокуратуру.

В результате адвокат все равно вынуждена была идти за разрешением в Кузьминский районный суд Москвы и лишь 7 августа смогла попасть к своей подзащитной.

- В нескольких СИЗО Москвы не пускают к клиенту, если ты не предъявишь разрешение на свидание от следователя (на стадии следствия) или от суда (на стадии судебного разбирательства), - резюмирует адвокат Светлана Сидоркина.
- Это только в Москве такое требование. По всей России в СИЗО пускают в порядке, как написано в законе. Почему я все-таки пошла в суд одновременно с направлением жалоб на действия администрации СИЗО? Дело в том, что пока я судилась бы, мою подзащитную отправили бы в колонию.

Вынужден быть взять разрешение у судьи Замоскворецкого районного суда Москвы Натальи Никишиной адвокат фигуранта «болотного дела» Артема Савелова Фарит Муртазин. Без этого документа защитника не пускали в «Бутырку» (СИЗО №2).

У адвоката Романа Качанова из Екатеринбурга при посещении публициста Бориса Стомахина в следственном изоляторе «Медведково» (СИЗО №4 Москвы) администрация потребовала разрешение от следователя. Тогда адвокат предъявил соглашение на разовую юридическую консультацию. «То есть не вступая в дело, я как бы разово проконсультировал и обошелся без этого разрешения».

Примерно таким же способом пользуется адвокат Петр Заикин из Нижнего Новгорода (с августа 2013 года защитник Марии Алехиной, отбывающей наказание в колонии №2 Нижнего Новгорода).

- При первой встрече мы всегда пишем «посещение в СИЗО» и не пишем слова «защита», - делится опытом адвокат Заикин. - Когда человек находится в СИЗО, на соглашении необходимо получить подпись лица, которого защищаешь. Для того, чтобы эту подпись получить, оформляем разовое посещение, получаем подпись, а ордер в личном деле дает возможность неограниченного посещения. Если есть ордер в личном деле, в Нижнем Новгороде препятствий адвокату в посещении подзащитных не чинят.

У адвоката Заикина в этом году был лишь один случай с попыткой недопуска

его к клиенту, и он не был связан с требованием дополнительных документов. Сотрудники СИЗО №3 ГУФСИН РФ по Нижегородской области летом этого года отказались пропустить адвоката, так как его ордер был выписан за несколько месяцев до даты посещения. Дело в том, что на продолжительное время его подзащитного увозили на место проведения следственных действий. Проблему с якобы «старым» ордером пришлось решать через начальника СИЗО. В течение 2,5 часов администрация не могла определиться, пускать адвоката или нет, так как в следственном изоляторе были внутренние рекомендации: обращать внимание на дату оформления ордера. Возвращаться 150 километров за новым ордером адвокат категорически не соглашался, и в итоге его пропустили к клиенту.

Вообще нет подобных проблем, по словам адвоката Рушаны Камаловой, в следственных изоляторах Татарстана. Она проходит в любые СИЗО строго на основании ордера и удостоверения. И в Санкт-Петербурге, как сообщил адвокат Дмитрий Динзе, в следственных изоляторах не требуют дополнительных документов, кроме ордера.

- Есть исключения, когда суды или следователи направляют в СИЗО документы, в которых указывают, что пропускать адвокатов только по их разрешению, - отмечает адвокат Динзе. - Это напрямую противоречит УПК РФ и нарушает право на защиту подсудимых. А в Москве, знаю, постоянно требуют разрешение от следователей или судов. Для московских СИЗО ордер не имеет какого-либо значения, то есть не пускают там по ордерам.

С ним согласен адвокат Вадим Кобзев: «Почти во всех СИЗО Москвы требуют разрешение следователя. К этому все давно привыкли, и без разрешения мало кто идет. Даешь следователю ордер, берешь разрешение. Другой вопрос, если следователи не хотят допускать. Из практики знакомого адвоката: следователь все время от него прятался, уклонялся от получения ордера. Адвокат дошел до его руководства. С момента заключения соглашения и до того, как адвокат попал к клиенту, прошло 5 дней».

Также по данным Кобзева, в некоторых СИЗО, помимо разрешения, иногда просят копию ордера, заверенного следователем. Однако сам он с такими препятствиями не сталкивался, напротив, в «Медведково» проходил даже без разрешения от следователя, с требованием которого уже смирились многие защитники.

Адвокат Марина Дубровина, посещавшая подзащитных в четырех СИЗО Краснодар, Новороссийска и Армавира говорит, что с требованием предъявить какие-либо дополнительные документы, кроме удостоверения и ордера, сталкивалась только в СИЗО №5 Краснодар.

- Там требуется разрешение от следователя. Правда, это особый случай. Это бывшая «внутренняя тюрьма КГБ», расположенная в здании Управления ФСБ по Краснодарскому краю, - отмечает адвокат Дубровина. - Причем следователь лично передавал это разрешение в СИЗО, и только после этого можно было попасть к клиенту. В остальных следственных изоляторах ордера всегда было достаточно.

По мнению одного из опрошенных адвокатов, попросившего не называть его фамилию, в ситуации, сложившейся с недопуском клиентов в СИЗО Москвы, могут быть отчасти виноваты и сами адвокаты.

- Даже если СИЗО требует, кроме ордера и удостоверения, разрешение от следователя, многое зависит от поведения самого защитника, - подчеркивает источник. - Ведь есть большая разница даже в формулировке, которую ты сообщаем следователю. Сравните: «Прошу дать разрешение на посещение такого-то» и «Прошу уведомить СИЗО о моем вступлении в дело».

Обширная практика по нарушениям при предоставлении свидания с подзащитными в СИЗО сложилась у адвоката Юрия Костанова. В 2002 году он добился постановления Президиума Верховного суда РФ, признавшего незаконным и недействующим пункт 149 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов в части, устанавливающей, что «свидания подозреваемым и обвиняемым предоставляются с адвокатом, участвующим в деле в качестве защитника, по предъявлении им документа о допуске к участию в уголовном деле, выданного лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело».

В 2001 году адвокат Костанов добился важнейшего решения Конституционного суда РФ. В постановлении от 25 октября 2001 года (№14-П) КС указал: «Реализация права подозреваемого и обвиняемого пользоваться помощью адвоката (защитника), в том числе иметь с ним свидания, не может быть обусловлена соответствующим разрешением лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело».

Спустя почти 12 лет после оглашения этой позиции Конституционного суда РФ адвокат Юрий Костанов поделился с правозащитниками оставшейся проблемой: «Общий настрой ФСИНа - Конституционный суд не признал неконституционной статью УПК, в которой сказано о допуске адвоката, допуск может осуществлять только тот, у кого дело в производстве - т. е. следователь. На попытки разъяснить, что КС постановил совсем не то и не так, следует ответ: «Я был в Конституционном суде и знаю, что там написано». Это говорит молодой еще замначальника СИЗО, который на момент рассмотрения дела в КС был молоденьким лейтенантом и в КС его охрана не пропустила бы».

Многочисленные недопуски адвокатов в отделы полиции и следственные изоляторы фактически лишают адвокатов возможности реализовывать свои профессиональные обязанности, а, следовательно, оставляют их доверителей без защиты. При этом с недопусками бороться почти невозможно. Помогают либо публичные скандалы, особенно, когда речь идет об известных общественности клиентах, либо внешнее вмешательство, в частности, Советника президента РФ по правам человека, Уполномоченного по правам человека или Общественных наблюдательных комиссий. Ни прокуратура, ни вышестоящее начальство, ни адвокатские палаты на такие факты не реагируют, легализуя подобную практику и де-факто обесценивая профессию адвоката.

Запрет техники

23 июля 2013 года адвокат Ирина Хрунова приехала в СИЗО №5 Перми для встречи со своей подзащитной, участницей панк-группы Pussy Riot Марией Алехиной, которая на тот момент отбывала наказание в Пермском крае. Защите нужно было вместе подготовиться к судебному заседанию, которое ожидалось на следующий день в краевом суде. Адвокат Хрунова обратилась с заявлением на имя начальника СИЗО с просьбой пронести в следственный кабинет свой ноутбук, необходимый для оказания Алехиной квалифицированной юридической помощи. Сначала на документе появилась незавершенная резолюция и.о. начальника следственного изолятора «Отказать на основании», которая была почему-то зачеркнута, а внизу написана странная фраза: «ФКУ СИЗО-5 ГУФСИН России по Пермскому краю является следственным изолятором и является местом содержания под стражей». При этом Ирина Хрунова трижды беспрепятственно проходила с ноутбуком в колонию № 28 Березников.

Адвокат Хрунова обратилась к прокурору Пермского края с просьбой провести проверку незаконных действий и.о. начальника СИЗО №5 и принять в отношении него меры прокурорского реагирования. Она отметила, что, поскольку Алехина является осужденной, на нее должны распространяться те условия отбывания наказания в исправительном учреждении, которые определил суд в приговоре.

7 февраля 2012 года Верховный суд России по жалобе адвоката Валерия Шухардина, представляющего интересы Сергея Мохнаткина, разрешил защитникам проносить в колонии фотоаппараты и диктофоны. Суд признал недействующими пункты 76, 80 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений «в части, допускающей распространение положений этих пунктов на пронос и использование в исправительных учреждениях адвокатом (защитником) при свиданиях с осужденными фотоаппаратов, видео- и аудиотехники».

Пермский прокурор на обращение адвоката Хруновой пока не ответил.

Что касается СИЗО Москвы, факты, когда адвокатам разрешали проносить ноутбуки для работы с подзащитными, единичны. Большинство опрошенных защитников сообщали, что им самим было бы интересно узнать, кому из коллег и в какой следственный изолятор удавалось получить разрешение на пронос техники. Из 30 адвокатов только Ольга Михайлова сообщила, что примерно год назад ей разрешали проносить ноутбук на «Пресне» (СИЗО №3 Москвы). Она уточнила, что, возможно, тогда в Москве было послабление после того, как адвокат Шухардин добился в Верховном суде России соответствующего решения.

Адвокат Фарит Муртазин рассказывает, что, например, в «Медведково» (СИЗО №4 Москвы), есть запрет на пронос в следственный кабинет ноутбуков и iPad, «хотя следователям разрешено проносить все». Для сравнения он приводит СИЗО №1 Кирова, где пронос техники запрещен всем: «Там закон одинаков для всех. Это справедливо».

Адвокат Вадим Кобзев в бытность следователем для проноса в СИЗО техники получал разрешение начальника следственного изолятора, его визу «разрешаю», и не слышал, чтобы руководство учреждения (например, Матросской тишины) чинило препятствия. «А будучи адвокатом, не пытался прорваться в СИЗО с техникой. Не пробовал. Не было необходимости», - говорит адвокат Кобзев.

Аналогичная ситуация обстоит в Самаре, где, по словам адвоката Вячеслава Толстова, защитникам запрещено проносить в СИЗО абсолютно любую технику (телефон, планшет, ноутбук, фотоаппарат, диктофон). «Однако следователи и оперуполномоченные проходят в СИЗО с телефонами. Их даже не проверяют», - отмечает адвокат Толстов.

Согласно проведенным опросам, запрещен пронос любой техники также в СИЗО Санкт-Петербурга, Краснодар, Армавира, Новороссийска, Тюмени, Воронежа. Адвокат Ольга Гнездилова даже обращалась в СИЗО №1 и СИЗО №3 Воронежа с запросами, можно ли пронести фототехнику для снятия копий с материалов дела. Ответили, что это запрещено.

Интересное наблюдение сделал адвокат Алексей Ладин из Тюмени: «В нашем СИЗО-1 УФСИН России по Тюменской области всю технику необходимо сдать на КПП. Все знают, что имеется решение ВС РФ по этому вопросу. Формально можно попробовать пройти с телефоном или ноутбуком, но это займет массу времени. Необходимо будет дожидаться на КПП сопровождающего и уже с ним пройти на территорию СИЗО. Предполагается, что сопровождающий везде будет следовать с тобой. Кроме того, сопровождающего можно будет ждать, видимо, очень долго».

Адвокат Ладин признается, что сам никогда не пробовал так делать, поскольку ему жалко времени. Он отмечает, что запрет на пронос техники относится не только к адвокатам, но и к следователям: «Для того, чтобы следователю пройти в СИЗО с ноутбуком, необходимо завизировать разрешение руководства СИЗО».

Ожидал столкнуться с подобными проблемами и адвокат Рамиль Ахметгалиев при посещении «Владимирского централа» (Следственный изолятор № 2 УФСИН РФ по Владимирской области). Он даже взял с собой заготовки нескольких жалоб на случай, если ему не дадут снять фотокопии медицинских документов экс-сокамерника Михаила Ходорковского - Александра Кучмы, который обвинял сотрудников ФСИН в пытках. Однако адвоката лично принял руководитель СИЗО, дал поручение начальнику медицинской части предоставить все документы и в течение 10 минут они были получены. Также адвокату предоставили место, где бы он мог спокойно «отфотографировать» материалы. Никаких дополнительных документов администрация СИЗО не потребовала.

А адвокат Роман Качанов из Екатеринбурга 21 февраля 2013 года при посещении ИК-46 был фактически задержан и подвергнут незаконному обыску. Сотрудники колонии изъяли у него жесткий диск, USB-кабель, диктофон, флеш-карту, атлас и карту Екатеринбурга, заявив, что все это запрещенные на территории колонии предметы. Адвокат ссылаясь на упомянутое выше решение Верховного суда РФ, однако администрация колонии обратилась в суд. Мировой судья судебного участка №2 Невьянского района Свердловской области Ольга Мохова 26 февраля 2013 года отказалась рассматривать дело об административном правонарушении в связи с существенными нарушениями закона при составлении протокола сотрудниками колонии. Изъятые вещи адвокату Качанову до сих пор не вернули, и он обратился в суд с иском о компенсации морального вреда и материального ущерба.

Очереди и ожидание подзащитного

Еще одна проблема, с которой сталкиваются адвокаты при посещении СИЗО Москвы – это многочасовые очереди. Кроме того, после того, как защитник ее выстоял, приходится в следственном кабинете также дополнительно ждать до нескольких часов, пока конвойная служба следственного изолятора доставит клиента для общения.

- Очередь в СИЗО - это обычная практика. Особенный бардак в Бутырке (СИЗО №2), Медведково (№ 4) и сейчас в Печатниках (№6), - говорит адвокат Светлана Сидоркина. - Если намечен поход в СИЗО, то можно не планировать на этот день никаких мероприятий, поскольку весь день проведешь там. В моей практике бывало и такое, что целый день прождешь и к клиенту не попадешь.

В аналогичные ситуации попадали практически все опрошенные при

подготовке доклада адвокаты, которые работают с клиентами в СИЗО Москвы.

Один из подзащитных адвоката Дениса Зацепина с ноября прошлого года содержится в «Печатниках»: «Несколько раз ждал где-то с 10 до 15 часов и уходил, не попав внутрь. Один раз попал внутрь в 17:00, но подзащитного так и не привели. Неоднократно ходили к начальнице СИЗО, она заверяла, что принимает меры. Действительно, время работы СИЗО увеличили (теперь с 8 утра до 19 часов), уменьшилось количество кабинетов, которые с утра резервируют следователи СК (в какой-то момент треть кабинетов бывала с утра зарезервирована), уменьшилось время ожидания (но все равно, как правило, несколько часов). В любом случае, 12 следственных кабинетов для единственного женского СИЗО Москвы, в котором еще и есть спецблок для милиционеров - это очень мало».

Адвокат Дмитрий Динзе в 2013 году уже больше 60 дней провел в различных СИЗО Москвы, Санкт-Петербурга и Нижнего Новгорода. Среднее время на посещение изолятора и очередей в Москве - до 6 часов. Динзе рассказывает, что, очереди, как правило, возникают из-за брони следователей, на которые указывал и его коллега адвокат Зацепин, а также из-за недостаточного количества следственных кабинетов и персонала, который мог бы выводить подследственных. Адвокат отмечает, что выводом клиентов, в основном, занимается младший персонал, которого постоянно не хватает из-за небольших зарплат, и поэтому приходится ждать в следственных кабинетах по несколько часов.

В родном Петербурге с очередями в СИЗО у адвоката Динзе не настолько все сложно. Правда, его коллега Анастасия Екимовская говорит, что в этом году были ситуации, когда проблематично было попасть в «Кресты» (СИЗО №1): «Если приходишь в обед, до закрытия можешь не попасть. Также оставляет желать лучшего работа конвойной службы. Ожидать клиента в следственном кабинете порой приходится до 1,5 часов». С очередями в «Кресты» регулярно сталкивается и адвокат Сергей Голубок.

В Москве же в некоторые следственные изоляторы очереди приходится занимать за день до планируемого посещения.

- Особенно долгие ожидания в «Бутырке» (СИЗО №2), - говорит адвокат Фарит Муртазин. - Приходилось занимать очередь днем раньше, записываться в списки на следующий день и в живой очереди ожидать 2-3 часа.

По поводу очередей в «Бутырке» солидарны все адвокаты. Вадим Кобзев рассказал, как весной этого года следователь никак не мог попасть к клиенту в СИЗО №2 (у следователей и адвокатов общая очередь). Дошло до того, что следователь добился перевода подзащитного в Матросскую Тишину (СИЗО №1), чтобы всем - и самому следователю, и защитнику - было удобно работать.

Адвокат Кобзев знает случаи, когда его коллеги сразу же отказывались от работы, если узнавали, что клиент содержится в «Бутырке»: «Слишком серьезные временные затраты». С точки зрения очередей, адвокат Кобзев самыми сложными в Москве называет «Бутырку» и «Печатники».

Чтобы попасть в «Медведково» (СИЗО №4) к фигуранту «болотного дела» Артему Савелову, адвокату Муртазину приходилось ожидать не меньше 2-3 часов. Не привыкший к такой ситуации адвокат из Екатеринбурга Роман Качанов при посещении Бориса Стомахина провел в очереди в «Медведково» 5 часов.

- В Екатеринбурге в этом смысле гораздо лучше, чем в Москве, - рассказывает адвокат Качанов. - Если я там в СИЗО иду утром, точно знаю, что попаду утром. Если иду после обеда, то 100% знаю, что попаду после обеда. Единственное, в пятницу нужно до 13.00, а так без проблем.

Нет очередей и в СИЗО №1 Воронежа в связи с большим количеством кабинетов для встречи с адвокатами. В СИЗО №3 Воронежа очереди достигали до 3-4 часов ожидания только, когда ремонтировался один из двух имеющихся там аналогичных кабинетов.

В СИЗО №1 Тюмени оборудовано 5 кабинетов для адвокатов, на случай очередей оборудован отдельный кабинет со связью, по которой дежурная приглашает адвоката в освободившийся кабинет. В СИЗО Заводоуковска (Тюменская область) нет разделения на следственные и адвокатские кабинеты. Адвокат Ладин ни разу не видел, чтобы все они были заполнены. Очередей нет.

В Нижнем Новгороде в СИЗО №1 и №3, по словам адвоката Петра Заикина, также нет проблем с очередями. В основном, полчаса ожидания, максимум – 2 часа. При этом оборудовано место для ожиданий клиента, а встреча проходит «не в клетке метр на метр, а в кабинете, где даже есть окно».

Впрочем, не во всех регионах нет сложностей с ожиданием клиентов, и многое зависит от самих следственных изоляторов. Если в СИЗО № 2 Казани ситуация с очередями, по словам адвоката Рушаны Камаловой, приемлемая, то в СИЗО №1 можно прийти утром и простоять до обеда, а следователи имеют обыкновение занимать не только свои, но и адвокатские кабинеты.

Адвокат Вячеслав Толстов отмечает, что в СИЗО №1 Самары «необходимо приходиться самое позднее в 8:00, занять очередь для адвокатов, хотя рабочий день начинается в 9:00».

- Если не успел попасть в первую тройку, значит, можно просидеть весь день в ожидании клиента и, как вариант, - не дожидаться, - говорит Толстов. - В СИЗО три кабинета для адвокатов и восемь для следователей. При этом адвокатам ка-

бинеты следователей не дают, даже если они не заняты. Если пришел в СИЗО после 10:00, то можно вообще не дожидаться, когда приведут клиента. А можно, прождав несколько часов, узнать, что у клиента сегодня банный день и его вообще не выведут.

Как сообщила адвокат Марина Дубровина, которая с начала года провела примерно 25 дней в следственных изоляторах, в СИЗО №5 при УФСБ по Краснодарскому краю очередь приходится занимать в 8:00 «в надежде, что примерно к 16 часам попадешь к клиенту, но можешь и не попасть». В СИЗО № 3 в Новороссийске очереди «достаточно большие, но для свиданий есть 5 комнат и очередь хоть как-то движется». Выгодно отличается СИЗО № 2 Армавира, где все «происходит относительно быстро». С апреля этого года у адвоката Дубровиной было два случая, когда она приходила к началу работы СИЗО № 5, а уходила вечером, так и не встретившись с подзащитным, директором грантовых программ Южного регионального ресурсного центра, профессором Кубанского государственного университета Михаилом Саввой.

- В СИЗО № 1 в Краснодаре попасть просто нереально, - говорит Марина Дубровина. - Адвокаты занимают очередь в пять утра, столпотворение жуткое, условий для ожидания адвокатов никаких, во дворе СИЗО, где ожидают адвокаты, нет ни лавочек, ни навесов, то есть адвокаты должны стоять в очереди по шесть-семь часов под дождем либо палящим зноем.

Условия труда адвоката в СИЗО

Поскольку следственные изоляторы – это особые режимные учреждения, адвокатам запрещено приносить с собой в СИЗО еду и какие-либо напитки. При этом этот вопрос стоит достаточно остро, если с учетом описанного выше защитники в Москве занимают очередь с раннего утра, попадают к клиентам после многочасовых очередей и ожидания конвойной службы, а выходят от подзащитных с окончанием работы СИЗО.

- Условия ожидания в следственных изоляторах более-менее приличные только в «Бутырке» (СИЗО №2), «Матросской тишине» (СИЗО №1) и «Воднике» (СИЗО №5), - отмечает адвокат Светлана Сидоркина. - В остальных СИЗО комнаты для встречи с клиентами маленькие, иногда даже сесть негде. Учитывая очереди, о том, что ты целый день голодный, я вообще молчу. Перекусить из автомата можно только в «Бутырке» и «Матросской тишине», если там есть что-то съедобное.

С коллегой согласен адвокат Дмитрий Динзе: «Единственное, что сейчас в СИЗО установлены кофейные аппараты и аппараты по продаже сигарет, напитков и печенья. Самый большой сервис в «Бутырке». Там можно купить кофе, напитки, пряники - все, кроме сигарет. В остальных изоляторах только, в основном, кофе. В регионах, с одной стороны, очередей меньше и, видимо, как

следствие, сервиса тоже меньше. В нижегородском СИЗО вообще ничего нет, как и во многих других следственных изоляторах, где мне удалось работать. Столовые работают для адвокатов не везде. Например, в Санкт-Петербурге два СИЗО, где в обед можно поесть. В Москве же вообще невозможно нигде в следственных изоляторах покушать, так и сидишь целый день».

Адвокат Муртазин вспоминает, как в «Медведково» (СИЗО №4) вместе с коллегой Русланом Чанидзе, подзащитными Артемом Савеловым, Леонидом Ковязиным и следователем знакомились с материалами дела: «5 человек, в маленькой комнатке, при отсутствии мест, стоя, целый день, без обеда». И у каждого адвоката, работавшего в московских следственных изоляторах, есть подобная история.

25 июля 2013 года адвокат Ирина Хрунова посещала участницу группы Pussy Riot Надежду Толоконникову в СИЗО № 1 Саранска для подготовки к судебному заседанию, которое должно было состояться на следующий день в Верховном суде Мордовии. Посещение проходило в комнате размером 2 на 3 метра, предназначенной для одновременной встречи 4 (!) следственно-арестованных и их защитников. Несмотря на требование законодательства о конфиденциальности подобных посещений, в комнате, кроме Толоконниковой и Хруновой, всегда находились еще трое подсудимых или осужденных и их адвокаты. Кроме того, рядом также проходило следственное действие в присутствии следователя. В жалобе прокурору Мордовии адвокат Хрунова объяснила, что работа 9-10 человек в комнате площадью 6 квадратных метров явно требует мер прокурорского реагирования. В конце августа она получила ответ от старшего помощника прокурора: он отправил жалобу адвоката начальнику СИЗО, действия которого адвокат просила проверить.

Невыносимые условия труда в следственных изоляторах, в частности, многочасовые очереди, на практике влекут за собой резкое удорожание услуг адвокатов, большинство из которых оценивает свою работу посуточно. Таким образом, ситуация с многочасовыми ожиданиями отражается на доступности адвокатской помощи для людей.